

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 153–165
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 153–165
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-153–165

ЭМИЛИЯ ПУДЕНТИЛЛА: СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МАТРОНЫ

Т.В. Кудрявцева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: tatyana vk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1636-5704

В статье исследуются сведения об Эмилии Пудентилле, которые приводятся в «Апологии» ее второго супруга Апулея – речи, произнесенной им на судебном процессе по обвинению в использовании вредоносной магии. На основании этих данных реконструируется образ этой незаурядной женщины и детали ее биографии, что позволяет пролить свет на ряд любопытных гендерных аспектов истории Римской империи II в.: женское образование и роль женщины в воспитании и обучении детей, статус богатой вдовы в контексте жизни провинциального города, участие женщины в деловой жизни, ее отношения с родственниками, опекунами-мужчинами, степень ей самостоятельности при принятии важных решений, касающихся семейной и деловой жизни.

Ключевые слова: Римская империя, Эмилия Пудентилла, Апулей, женское образование, магия

Все сведения об Эмилии Пудентиллы мы черпаем из одного единственного источника – «Апологии» ее второго супруга Апулея, речи, произнесенной им на судебном процессе и впоследствии изданной. Высказывалось мнение, что следует с осторожностью реконструировать образ Пудентиллы на основании этого единственного свидетельства, к тому же весьма субъективного; что портрет «загадочной леди Пудентиллы» распадается на множество осколков и стилизован в соответствии с риторическими и литературными паттернами¹. На наш взгляд, текст Апулея позволяет (с учетом, разумеется, критического анализа) все же собрать воедино эти осколки и составить представление о незаурядной главной женской героине «Апологии».

Данные об авторе. Татьяна Владимировна Кудрявцева – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-28-00515, <https://rscf.ru/project/24-28-00515/> в РГПУ им. А.И. Герцена.

¹ Hunink 1998, 289–290.

Оратор достаточно подробно останавливается на обстоятельствах своей встречи с Пудентиллой. Благодаря тому, что семья Апулея, уроженца г. Мадавры в римской провинции Африка, была состоятельной, он смог получить достойное образование – сначала у себя на родине, затем в Карфагене, Афинах и Риме (App. Flor. 17; 21). Через несколько лет Апулей вернулся на родину, откуда отправился в Александрию, но по дороге заболел и был вынужден надолго задержаться в городе Эа (нынешнее Триполи). Там около 155 или 156 г. он встретился с Понтианом, бывшим приятелем по студенческим годам в Афинах и уроженцем Эи. Апулею было тогда тридцать с небольшим лет, Понтиан, очевидно, был его младше². Понтиану пришла в голову идея выдать замуж свою мать, состоятельную вдову Эмилию Пудентиллу, за Апулея, чтобы ее изрядное состояние не попало в руки алчных родственников или коварного обольстителя. Чуть ли не год он уговаривал Апулея, и когда обе стороны пришли уже к полному взаимопониманию и согласию, свадьба была отложена из-за женитьбы самого Понтиана, но в конце концов состоялась (App. Arol. 73).

Эмилия Пудентилла происходила из очень богатой местной семьи, которая хотя и не была сенаторского ранга, но состояла в родстве с Л. Эмилием Фронтинумом, консулом-суффектом между 164–168 гг., проконсулом и благодетелем Эи – он пожертвовал городу миллион сестерциев на разные проекты³. Своему первому мужу, Сицинию Аминту, Пудентилла, вероятно, принесла весьма солидное приданое⁴. Через несколько лет Эмилия овдовела: ее старшему сыну было тогда около 9 лет, младшему – 3–4 года. К моменту второго замужества Пудентилла вдовствовала не менее 13 лет (Arol. 27).

Родной город Пудентиллы – Эа, как и Лептис-Магна и Сабрата, имел пунийское происхождение; считается, что эти три главных триполитанских города были относительно меньше романизированы, чем другие города провинции Africa Proconsularis⁵, т.е. население говорило там в основном по-пунийски. Пудентилла же предстает перед нами дамой весьма образованной (*matrona docta*), свободно владея как латынью, так и греческим, что, несомненно, добавляло ей привлекательности в глазах Апулея. Конечно, женское образование в Риме было не столь изощренным, как мужское, но тем не менее, у представительниц высших сословий были возможности приобщиться к знаниям, хотя, разумеется, их не учили риторики так, как мальчиков и юношей, для которых навык составления речей был важнейшим. К тому же обучение для девушки заканчивалось раньше, чем для юношей: те в 16–18 лет еще постигали науки в школе у ритора, а девушки в этом возрасте в основном уже были замужем. Известно немало примеров образованных римлянок, начиная с Корнелии, матери Тиберия и Гая Гракхов, которые, по утверждению античных авторов, именно ей были обязаны своим образованием и от нее научились красноречию (Plut. Gr. 1. 4–5; Cic. Brut. 104; 211; Tac. Dial. 28). Дочь Помпея, вероятно, обучалась наравне со своими братьями, Гнеем и Секстом: она приветствовала вернувшегося из восточного похода отца цитатой из Гомера,

² Butler, Owen 1914, IX, XIX.

³ Guey 1954, 115–119.

⁴ Э. Фантам полагает, что оно было таким же, как в браке с Апулеем (Arol. Arol. 91), – 300 тыс. сестерциев (Fantham 1995, 222).

⁵ De Marre 2004, 53 (с литературой).

на которую коварно указал ее учитель: «С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул» (Ном. II. 3. 428; пер. Н.И. Гнедича) (Plut. Mor. 737B). Из современниц Пудентиллы можно вспомнить о Домиции Луцилле, матери императора Марка Аврелия, прекрасно владевшей эллинской премудростью (Fronton. Ad M. Caes. 1; 2), или о весьма богатой и образованной представительнице императорской семьи Матидии Младшей, на чьи средства был отреставрирован театр и основана общественная библиотека в Сессе-Аурунке (CIL X, 4760)⁶. Заметим, что для женщины беглое владение греческим, умение вести на нем переписку, интерес к наукам – признак принадлежности к состоятельным и знатным семействам Империи, как и занятия благотворительностью⁷. Тем удивительнее, что скромная представительница провинциальной знати из небольшого пунийского городка могла составить римским аристократам достойную конкуренцию⁸, в том числе в филантропии (см. ниже).

Пудентилла наверняка получила основательное домашнее образование, но в ее случае оно выходило далеко за пределы курса грамматики или арифметики. Во время судебного заседания Апулей будет ссылаться на ее письмо к Понтиану, написанное по-латыни (Apol. 70: судебный секретарь зачитает его по просьбе оратора); а один из ключевых моментов обвинения будет связан с письмом Пудентиллы на греческом, отправленном все тому же Понтиану (Apol. 82–84) – отрывки из него оратор сам процитирует. Письмо написано не только на хорошем греческом языке, но и с иронией, которую недруги Апулея не поняли, ибо не так хорошо владели греческим, как автор послания (Apol. 87).

Мы можем предположить также, что Пудентилла, которой, по всей видимости, были интересны различные интеллектуальные штудии и приобретение соответствующих познаний, занималась и со своими детьми. Во всяком случае, Апулей упоминает, что еще до свадьбы он помогал своей будущей супруге в их совместных занятиях с ее младшим сыном, Пудентом (Apol. 73: *a te in communibus studiis adiuvantur*)⁹. Правда, в отличие от старшего брата младший никакой склонности к *studia liberalia* не имел и, по утверждению Апулея, говорил Пудент только по-пунийски и едва помнил несколько греческих слов, которым его научила мать (Apol. 98: *si quid adhuc a matre graecissat*). Последнее – косвенное указание на то, что Пудентилла занималась с сыном еще до появления в ее жизни Апулея; наверняка она же оплачивала учебу в Афинах и Риме своего старшего сына Понтиана¹⁰. Участие Пудентиллы в обучении сыновей¹¹ – в духе тех прогрессивных идей, которые высказывались некоторыми римскими интеллектуалами. Тацит в

⁶ Эти и другие примеры – см.: Nemeijck 1999, passim.

⁷ О женской благотворительности – см., например: Гуревич, Рапсат-Шарль 2006, 231–234.

⁸ Предположение (De Marre 2004, 63) о том, что в римской Африке могли быть традиции качественного образования барышень из местной элиты, восходящие к карфагенскому наследию, кажется нам несколько натянутым. Основано это предположение на рассказе Кассия Диона (XVII, 51) о карфагенской аристократке и роковой красавице времен Второй Пунической войны Софонисбе, жене сначала западно-нумидийского царя Сифакса, а затем его конкурента восточно-нумидийского вождя Масиниссы: она, дескать, была прекрасно образована в науках и музыке.

⁹ По мнению, В. Хьюинка, это могли быть *studia litterarum* (Apol. 5. 1) или *studia liberalia* (Apol. 28. 9); возможные науки – литература, философия, риторика (Hunink 1997/2, 188).

¹⁰ De Marre 2004, 55.

¹¹ Об «идеале образованного материнства», прежде всего, на примере Корнелии, матери Гракхов – см.: Nemeijck 1999, 61–67.

«Диалоге об ораторах» в ряду матерей, которые руководили воспитанием и образованием своих сыновей, приводит мать Гракхов Корнелию, мать Цезаря Аврелию и мать Августа Атию (Тас. Dial. 28: *praefuisse educationibus*; ср. Сис. Brut. 104), а в «Агриколе» вспоминает Юлию Проциллу, под нежной заботой которой Агрикола «провел детство и юность в изучении всех благородных наук» (Тас. Agr. 4; пер. М.Е. Сергеев).

Плутарх в «Наставлении супругам» советует мужу уделять особое внимание образованию жены, ибо науки отвлекают женщин от нелепостей (*τὰ τοιαῦτα μαθήματα πρῶτον ἀφίστησι τῶν ἀτόπων τὰς γυναῖκας*); жена, учась геометрии, не даст обмануть себя заклинаниям чародеев, зачарованная сочинениями Платона и Ксенофонта (*καὶ φαρμάκων ἐπιφθὰς οὐ προσδέξεται τοῖς Πλάτωνος ἐλαδομένη λόγοις καὶ τοῖς Ξενοφώντος*) (Mor. 145c). Этот совет вполне укладывался в сценарий поведения Апулея, опекающего Пудентиллу в ее занятиях с сыном, но вот только, как будут в суде утверждать обвинители, изучение философских трудов маскировало здесь те самые «заклятия колдунов».

Апулей нигде не говорит, что его брак с Пудентиллой был союзом по любви – с его стороны. Жену свою он характеризует как «женщину уже далеко не в расцвете красоты, но еще в расцвете лет» (Apol. 92: *mediocri forma, at non aetate mediocri*; здесь и далее пер. С.П. Маркиша). Точный возраст Пудентиллы нигде не называется, но в своей защитительной речи Апулей опровергает один из пунктов обвинения как раз о возрасте Пудентиллы: обвинители заявляли, что вдова вышла замуж из-за похоти на шестидесятом году жизни (Apol. 89: *sexagesimo anno aetatis ad lubidinem nubsisse*). Оратор предъявляет в суде документ – заявление отца Пудентиллы о рождении дочери, датированное именами консулов¹². Как оказалось, Пудентилле было немногим больше сорока лет (Apol. 89). Себя же Апулей описывает как «молодого человека безупречной внешности, характера и происхождения» (Apol. 92); он замечательно образован, красноречиво изъясняется как по-гречески, так и по-латыни (Apol. 4–5). В то же время он не скрывает, что испытывал в тот период своей жизни определенные денежные затруднения; по словам его недругов, все его имущество «состояло из суммы да посоха» (Apol. 22). В том, что образованная, умная, к тому же богатая вдова могла искренне увлечься привлекательным молодым человеком, интеллектуалом и философом, нет ничего удивительного¹³. Таким образом, обе стороны могли иметь определенные резоны для того, чтобы стать супругами. Однако примерно год спустя после заключения брака родственники и свойственники Пудентиллы привлекли Апулея к суду, обвиняя его в том, что тот добился расположения вдовы с помощью магии.

¹² Отец в течение тридцати дней после рождения ребенка должен был уведомить государственных делопроизводителей (*tabularii publici*) о факте рождения и об имени новорожденного. Одна копия его письменного заявления хранилась в государственном архиве, другая – в семье. См.: Маркиш 1960, 393; Hunink 1997/2, 219.

¹³ Определенные основания для такого вывода можно извлечь из рассказа Апулея о письме Пудентиллы сыну (Apol. 84) – см. ниже. Французская исследовательница Николь Фик в своей статье горячо отстаивает версию об искренней влюбленности Пудентиллы и об её вынужденной сдержанности в проявлении чувств, проводя сравнение с историей любви Исменодоры и Вакхона из Плутархова «Об Эроте» (Fick 1992, 29–46).

Дело слушалось в Сабрате, недалеко от Эи, определенном как место проведения судебных заседаний для данной округи. Председательствовал на суде проконсул Африки Клавдий Максим, т.е. процесс состоялся в 158/159 г.¹⁴

Главными обвинителями были Сициний Эмилиан, брат первого мужа Пудентиллы, ее младший сын, Сициний Пудент, и тесть Понтиана Геренний Руфин. Понтиан, женившись на дочери этого Руфина, вскоре поссорился с Апулеем под влиянием своего тестя, который, видимо, переживал, что немалое состояние Пудентиллы достанется не его зятю и дочери. Впоследствии, однако, друзья помирились, но к моменту выдвижения против Апулея обвинения в магии Понтиана уже не было в живых. Самым зловредным из истцов, подлинным инициатором и «мозгом» обвинения Апулей полагал именно Геренния (Apol. 74). Однако формально обвинения выдвигались от имени младшего сына Пудентиллы, Сициния Пудента, которому было около 16–17 лет и которого оратор именует мальчишкой (puer – Apol. 2; 41; 98). Из-за малолетства последнего озвучивал эти обвинения в суде его дядя, Сициний Эмилиан¹⁵.

Была ли Пудентилла на процессе своего супруга? Римское общество времен Поздней республики и Империи более толерантно относилось к присутствию женщины на судебном заседании, чем в античной Греции – женщины могли инициировать или подавать иски (Plin. Ep. IV. 17; VII. 6) и, возможно, даже выступать в суде в качестве участника тяжбы или свидетеля¹⁶. Можно привести в качестве примера рассказ Валерия Максима (VIII. 3. 1) о выступлении в суде римлянки Амесии (или Месии) из Сентина, которая при большом стечении народа сама себя защищала перед претором Титием (*Amesia Sentinas rea causam suam L. Titio praetore iudicium cogente maximo populi concursu egit*) и так яростно это делала, что получила прозвище «Андрогин» (*Androgyne*), ибо под женской внешностью скрывался мужской дух¹⁷. Однако едва ли все эти прогрессивные веяния докатились до провинциальных медвежьих уголков. Свидетельницу Капитолину, к примеру, на процессе Апулея представляет ее сын (Apol. 62). В самом начале своей речи оратор упоминает о некоем деле Пудентиллы против Граниев, которое он вел по ее, очевидно, просьбе (Apol. 1: *me causam pro uxore mea Pudentilla aduersus Granios agere*). Подробностей дела мы не знаем, но высказывались предположения, что оно связано либо с вопросами собственности, либо размежеванием владений, либо покупкой недвижимости и т.п.¹⁸. Совсем не льстящие Пудентилле описания ее внешности и возраста в речи Апулея на его собственном процессе (Apol. 73: *mediocri facie mater liberorum*; также – 92) – один из аргументов в пользу того, что его жены не было на этом судебном заседании, как и на том, где рассматривался иск против Граниев.

Из многословных опровержений Апулеем выдвинутых против него обвинений в магии вырисовывается картина – как именно он, по мнению истцов, приво-

¹⁴ Клавдий Максим был преемником Лоллиана Авита – благодаря надписи из Лептис-Магны мы знаем, что последний был проконсулом в 157/158 (см., например: Hunink 1997/1, 21; Bradley 1997, 203; et al.)

¹⁵ Я подробно описала дискуссию о том, по какому закону обвинялся Апулей, и весь его процесс в книге: Кудрявцева 2023, 225–286.

¹⁶ См.: De Marre 2004, 58; Steck 2009, 133–138.

¹⁷ М. Александер датирует этот процесс между 80–50 гг. до н.э. (Alexander 1990, 180, No. 384).

¹⁸ Маркиш 1960, 377; Pavis D'Esurac 1974, 99; Gutsfeld 1992, 261; Hunink 1997/2, 13.

рожил свою супругу. На их версию, вероятно, повлияло непринятие местным обществом второго замужества Пудентиллы. По собственному признанию Апулея, у некоторых граждан Эи сложилось «враждебное мнение» (*contrariam opinionem*) о нем как о маге (*quasi mago* – Apol. 81). В первой части речи Апулей перечисляет конкретные магические практики, результатом применения которых, по мнению обвинителей, явилось внезапное решение Пудентиллы после многих лет вдовства выйти замуж¹⁹. Обольщение происходило в Гетулии, в горной местности (Apol. 41): Пудентилла и Апулей уединились в каком-то из загородных поместий вдовы, вдали от заинтересованных и бдительных родственников.

Во второй части речи Апулей разбирает обвинение в корыстном соблазнении вдовы (Apol. 66–101); здесь много информации о его взаимоотношениях с женой и ее детьми от первого брака, из которой становится понятно, какую важную роль в обвинении играли вопросы финансов и собственности. Эта часть речи Апулея позволяет реконструировать семейное, экономическое и юридическое положение Пудентиллы до и после ее второго замужества. Она рисует также и характер этой незаурядной женщины, которая могла казаться слабой, но в решающие моменты проявляла твердость, а ради своего счастья готова была бросить вызов семейным интересам аристократических кланов Эи, элитарным традициям и выйти замуж за незнатного и небогатого чужака.

Очевидно, что родственников Пудентиллы более всего угнетала перспектива утраты контроля над вдовой и соответствующих выгод от ее большого состояния, а не магические или философские пристрастия ее нового мужа. Ставки были действительно велики, ибо богатство, доставшееся Пудентилле от первого мужа, Сициния Амика, вдова умелым ведением хозяйства еще и приумножила.

Обвинители уверяли, что Пудентилла после смерти своего первого мужа не собиралась больше выходить замуж, ее принудил к этому Апулей своими заклинаниями и приворотными зельями (Apol. 69: *carminibus et venenis*). Апулей, опровергая обвинения, особо подчеркивает: Пудентилла провела все годы вдовства без единого проступка, и сплетни не коснулись ее (*sine culpa, sine fabula*); он называет ее «безупречно целомудренной» (*mulier sancte pudica*) (Apol. 69). Опекуном ее детей был тогда отец покойного мужа. Свекр, чтобы богатство Пудентиллы не уплыло из рук, желал свести вдову с другим своим сыном – Сицинием Кларом – и потому отваживал всех сватавшихся к ней. Едва ли поведение старшего Сициния, побуждавшего сноху оставаться вдовой, можно считать нормой²⁰, но слишком большой куш стоял на кону. Пудентилла, будучи женщиной разумной и высоконравственной (*sapiens et egregie pia*), опасалась, что дед лишит внуков наследства, если их мать выйдет за чужого человека, и потому согласилась заключить контракт с навязываемым ей деверем (Сицинием Кларом), но уклонялась от брака с помощью различных хитростей (*variis frustrationibus*), пока не скончался дед мальчиков (Apol. 68). Здесь напрашивается сравнение с Пенелопой, столь же

¹⁹ Подробный разбор этой части обвинения – см.: Кудрявцева 2023, 236–266.

²⁰ О вдовах, отношении к ним римского общества и повторном замужестве – см.: Treggiari 1991, 499–501.

мудрой и достопочтенной, успешно избегавшей нежеланного замужества; на роль же Одиссея, получается, претендует Апулей²¹.

Договор со свекром был устным, т.е. не имел юридической силы. Избавившись от навязанного сватовства, Пудентилла решила покончить со своим вдовством; причем, по словам оратора, к этому решению ее подтолкнули проблемы со здоровьем и настоятельные советы врачей и повивальных бабок (Apol. 69). Вообще, мнение о том, что длительное сексуальное воздержание вредит женскому здоровью и приводит к истерическому удущью и припадкам, было довольно распространённым в античной медицине²². Апулей зачитывает в суде письмо Пудентиллы к Понтиану, в котором та пишет о своем желании выйти замуж после того, как «ценою долгого вдовства, пренебрегая собственным благополучием, она достигла того, что ее сыновья получили наследство деда, а она даже увеличила это наследство своими неустанными заботами» (Apol. 70). Примечательные деловые таланты вдовы, как уже было сказано, способствовали росту семейного и ее личного достояния. Апулей называет внушительную сумму, в которую оценивалось тогда имущество Пудентиллы, – 4 миллиона сестерциев (Apol. 71); сюда входила и доля детей, которой та управляла. По подсчетам некоторых современных исследователей, земельная собственность вдовы включала в себя около 8800 югеров; у нее было минимум 600 рабов, а скорее всего, еще больше²³. Она получала доход со своих многочисленных поместий, прибыль от продажи зерна, вина, масла и других сельхозпродуктов²⁴ (Apol. 93: *tritici et ordeï et uini et oliui ceterorumque fructuum*), от многочисленных стад скота (*ibid.*). Вероятно, у нее было несколько загородных домов – *villae suburbanae*²⁵, в городе же ей принадлежал прекрасный дом с видом на море. Туда больного Апулея уговорил переселиться на время Понтиан, чтобы свести его со своей матерью, и аргументом было то, что жилье это более здоровое (Apol. 72: *salubriorem mihi habitationem*) – очевидно, из-за своего расположения в престижном районе. Когда возник конфликт с детьми из-за второго замужества Пудентиллы, она смогла, скорее всего, без особого урона для своего процветающего хозяйства, выделить и им значительную долю денег²⁶, подарить самые плодородные поля со всем, что там произрастало, богато убраный дом, немалое количество скота и, по меньшей мере, четыреста рабов (Apol. 93). Одним словом, Апулей совершенно прав, когда говорит о своей жене как об «очень богатой женщине» (Apol. 91: *mulieris locupletissimae*).

При этом все годы вдовства Пудентилла самостоятельно распоряжалась своим и семейным имуществом, т.е. она не находилась под чьей-либо опекою или властью, будучи вдовой *sui iuris*²⁷. Еще пару веков тому назад подобное было бы

²¹ Hunink 1998, 289. К этому очевидному сравнению Апулей явно относился благосклонно: в трактате «О божестве Сократа» он отмечает доблесть и мудрость Улисса (Apol. Socr. 24).

²² См.: Hunink 1997/2, 183 (со ссылками на источники и литературу).

²³ Gutsfeld 1992, 252–254; Hunink 1998, 286; Benke 2005, 22.

²⁴ Как отмечает Генриетта Пави Д'Эсюрак, о выращивании в Триполитании пшеницы и производстве масла есть и археологические свидетельства (давилни), и изображения на мозаиках, а вот вино упоминается только здесь (Pavis D'Esurac 1974, 90–91).

²⁵ Pavis D'Esurac 1974, 92.

²⁶ О том, что за деньги имеются в виду, в историографии идет дискуссия. Мне кажется наиболее вероятным предположение Хьюинка: речь шла о состоянии отца юношей, унаследованное ими от деда; им в течение многих лет распоряжалась Пудентилла (Hunink 1997/2, 229).

²⁷ Fantham 1995, 220; Hidalgo de la Vega 2012, 750.

невозможно в Римской республике: женщина либо находилась под властью отца семейства (*pater familias*), либо под опекой (*in potestatem*) мужа. Управление поместьем и *agricultura* в целом, судя по Катону и Колумелле, всегда воспринимались в патриархальном Риме как сугубо мужские занятия, часть образа достойного мужа и воина²⁸. Катон определяет достойного мужа (*vir bonus*) как хорошего земледельца и хорошего хозяина (*bonum agricolam bonumque colonum*) (Cat. De agr. praef. 2); из таких мужей и получаются самые храбрые мужи и самые стойкие солдаты (Cat. De agr. praef. 4: *ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur*). Колумелла приводит хрестоматийные примеры римской доблести (Цинциннат, Фабриций, Курий Дентат), соединявшие в одном лице земледельца и защитника отечества (Col. Praef. 1. 13–16). То, что в римском общественном сознании к середине II в. н.э. произошли определенные гендерные подвижки, ясно из того, что самостоятельная и успешная хозяйственная деятельность Пудентиллы преподносится Апулеем как деятельность положительная и даже достойная похвалы. Если бы это было необычно, скандально или считалось неприличным для женщины поведением, едва ли оратор рискнул бы вызвать раздражение судей своим рассказом о деловых успехах Пудентиллы²⁹. Хотя определенные гендерные предрассудки и связанные с ними опасения, очевидно, сохранялись. Неизвестный автор «Малых декламаций», приписываемых Квинтилиану, посвятивший одну из декламаций обходам закона Вокония³⁰, восклицает: «Что, ты полагаешь, хотел законодатель, когда этот закон устанавливал? Чтобы женщины не обладали чрезмерным богатством, и чтобы общество не испытывало давление их власти (*ne feminae nimias opes possiderent, ne potentia earum civitas premeretur*)» ([Quint.] Min. decl. 264. 12).

Апулей далее подробно рассказывает, как Понтиан, опасаясь, как бы мать, попав в руки какого-нибудь проходимца, не передала ему имущество, свел Пудентиллу с так кстати оказавшимся в Эе Апулеем и долго упрашивал последнего оказать ему дружескую услугу и жениться на матери (Apol. 72–73). Апулей в конце концов соглашается, но по договоренности сначала должен был жениться сам Понтиан (Apol. 73). Однако после того, как у Понтиана появилась супруга, с ним произошла разительная перемена: он стал препятствовать браку своей матери с Апулеем, и тот винит в этом тестя своего друга, Геренния Руфина (Apol. 74). Руфин, который, по словам Апулея, «уже сожрал в мыслях четыре миллиона Пудентиллы» (Apol. 78), попытался расстроить ее замужество. Когда же вдова оказалась непреклонной, случился скандал: обозленный Руфин в присутствии многих (*multis audientibus*) обозвал Пудентиллу распутницей (*amatricem*), а Апулея — магом и отравителем (*magum et veneficum*) (Apol. 78).

²⁸ Benke 2005, 24.

²⁹ Н. Бенке, правда, предположил, что этот замечательный пример римского гендерного прогресса более типичен для провинции, чем для столицы: Benke 2005, 30.

³⁰ Lex Voconia, принятый в 169 г. до н.э. по инициативе народного трибуна Вокония, запрещал гражданам, относившимся к первому имущественному цензу (т.е. с состоянием не менее 100 тыс. ассов), назначать наследниками по завещанию женщин (Gai. Inst. II. 5. 274). Ограничение, вводимое данным законом, не касалось наследования без завещания. Кроме того, существовали различные способы обхода этого закона: женщина могла de facto получить наследство по процедуре *fideicommissum* (вид завещания в римском праве, в котором завещатель поручал наследнику выполнить оговоренные действия в пользу третьего лица).

После этой сцены Пудентилла уехала в деревню и оттуда написала сыну упомянутое выше письмо на греческом, в котором, по утверждению обвинителей, призналась, что Апулей магией влюбил ее в себя и лишил рассудка (Apol. 78: *confessa est sese mea magia in amorem inductam dementire*). Соответствующие строки из этого письма³¹ Геренний Руфин «показывал каждому встречному, водя при этом за собой по форуму плачущего Понтиана» (Apol. 82). Наступает кульминационный момент: оратор просит секретаря прочесть письмо (Apol. 80). В нем Пудентилла пишет о причинах, по которым решила выйти замуж: долгое вдовство, лекарство от недуга, лестные отзывы об Апулее, совет Понтиана выйти замуж именно за его друга. А дальше Апулей торжественно оглашает ту часть письма Пудентиллы, откуда обвинители вырвали фразу: «Ведь когда я хотела выйти замуж по тем причинам, о которых говорила тебе, то ты сам убедил меня отдать ему предпочтение перед всеми, потому что восхищался этим человеком. А теперь, когда коварные обвинители переубеждают тебя, Апулей вдруг становится магом, а я околдована им и влюблена. Приди же ко мне, пока я еще в здравом уме» (Apol. 83). Оратор обвиняет своих оппонентов не только в том, что они не поняли иронии греческого письма Пудентиллы и исказили его смысл, но в том, что они сделали это намеренно (Apol. 83–84). Апулей процитировал лишь небольшой отрывок из письма своей супруги, но и он дает представление о рациональном складе ума Пудентиллы, при этом не лишеном чувства юмора, о силе характера, а также о рассудительном и трезвом ее отношении к своему замужеству.

Осудив поведение пасынка, Сициния Пудента, за неблагодарность и непочтительность к матери (именно Пудент раздобыл пресловутое послание Пудентиллы к Понтиану, отдал его Руфину) (Apol. 85), оратор задает младшему сыну своей жены несколько риторических вопросов, благодаря которым аудитории демонстрируются деловые способности Пудентиллы, энергично и эффективно управлявшей своими многочисленными именьями. После того самого письма, где она написала с сарказмом «приди, пока я еще в здравом уме», Пудентилла пригласила к себе сыновей и невестку и прожила с ними почти два месяца (Apol. 87). Апулей вопрошает пасынка: заметил ли Пудент в поступках и речах своей матери что-то странное, признаки безумия, «будет ли он отрицать, что она с большим знанием дела подписывала счета управляющих виллами, пастухов, конюхов (Apol. 87: *rationibus uilliconum et upilionum et equisonum sollertissime subscripsisse*)». Ответ очевиден.

Обвинители обращали внимание на подписание брачного контракта (*tabulae nubtiales*) не в городе, а на загородной вилле (Apol. 88), намекая, видимо, на то, что практиковать запрещенную магию и готовить зелья сподручнее было вдали от бдительных глаз, в уединении. Апулей объясняет решение об устройстве свадьбы на лоне природы несколькими соображениями, благодаря которым мы можем дополнить образ Пудентиллы некоторыми деталями. Новобрачная, якобы, хотела избежать обязательных в таких случаях утомительных пиров, а также пропустить очередную раздачу подарков: ведь в тот день, когда Понтиан женился, а Пудент облачился в мужскую тогу, Пудентилла пожертвовала народу 50 тыс. сестерции-

³¹ Строка, которую цитировали обвинители: Ἀπολείος μάγος, καὶ ἐγὼ ὑπ' αὐτοῦ μεμάγευμαι καὶ ἐρῶ. ἔλθε τοίνυν πρὸς ἐμέ, ἕως ἔτι σωφρονῶ («Апулей – маг, я околдована им и влюблена. Приди же ко мне, пока я еще в здравом уме»).

ев из своих средств (Apol. 87). Надо сказать, что весьма солидное состояние Пудентиллы вполне пережило бы новую раздачу для народа, а высокое положение, которое вдова занимала в Эе, накладывало на нее определенные обязательства³²: ее новое замужество явилось значимым событием для местного общества, и оно вполне было ожидать полагающегося в подобных случаях праздника. Решение новобрачных уединиться на вилле могло вызвать подозрения и стать причиной недоуменных толков. Чувствуя некоторую шаткость защиты по данному пункту, Апулей пускается в рассуждения о благостности для потомства заключения браков на природе, на зеленых лужайках и полях: «Пусть будущая мать (*mater futura*) выходит замуж, сама покоясь на материнской груди, среди спелых хлебов, на плодородной пашне. Пусть возлежит она под брачным вязом, на лоне матери-земли...»; и т.д. (Apol. 88). Из текста непонятно, была ли абстракцией «будущая мать» или заключала в себе намек на интересное положение Пудентиллы. Последнее было маловероятным, но возможным, учитывая, что обвинители намеренно накинули лет вдове, и та еще была в репродуктивном возрасте. То, что Пудентилла такую возможность не исключала, подтверждается условием брачного контракта: ее приданое (300 тыс. сестерциев), если она умрет, не родив от Апулея детей, оставалось Понтиану и Пуденту; если же будет ребенок от второго брака, то половина приданого причиталась ему (или ей, если дочь), а вторая – сыновьям от первого брака (Apol. 91). Произведение Апулея «О мире» (*De mundo*), латинская адаптация греческого трактата Псевдо-Аристотеля, написано было годы спустя после процесса в Сабрате и посвящено его сыну Фаустину; он мог быть рожден в браке с Пудентиллой³³.

Апулей ссылается на условия брачного контракта, опровергая последний пункт обвинений – о том, что он выманил у своей жены богатое приданое. Он вопрошает обвинителей: ради чего, пользуясь заклинаниями и зельями, стал бы он склонять Пудентиллу к браку, какая в этом его личная выгода (Apol. 90). Оратор здесь, конечно, лукавит: если приданым жены он и не мог прямо распоряжаться, но как супруг мог пользоваться теперь всеми благами обеспеченной и комфортной жизни, доходами, которые Пудентилла получала от имений и капиталов, ее слугами, домами, виллами и т.п. И, возможно, его выгода от брака с богатой вдовой этим не ограничивалась. В одном месте «Апологии» он почти проговорился. Апулей хвалит себя за то, что, желая великодушием победить дурного сына (Пудента), уговорил жену написать новое завещание, в котором главным наследником был назначен беспутный и неблагодарный Пудент, а мужу отписана лишь «некая безделица» (Apol. 100: *tenue nescio quid*). И тут же заявляет, что своей доброй волей сдержал необыкновенную щедрость к нему своей доброй жены (Apol. 99: *bonae uxoris prolixam liberalitatem circa me nimio plus aequo coarcerem*), т.е. Пудентилла все-таки собиралась его щедро одарить. Во всяком случае, он приобрел благодаря ей владение, которое обвинители называли «прекраснейшим поместьем» (Apol. 101: *pulcherrimum praedium*). Апулей, однако, утверждает, что «речь идет о крохотном именице (*exiguum herediolum*) ценою в шестьдесят тысяч ассов», купленном к тому же на имя Пудентиллы, и предьявляет купчую. К документу прилагались свидетельские показания квестора, которому были внесены деньги,

³² Hunink 1997/2, 215; Hidalgo de la Vega 2012, 754.

³³ См.: Butler, Owen 1914, XVII; Amarelli 1988, 125; Hunink 1997/2, 216–217.

и опекуна Пудентиллы, Кассия Лонгина, подтвердившего законность покупки (Apol. 101). Если римлянка выходила замуж *sine manu*, т. е. без того, чтобы оказаться под властью мужа, то для подтверждения законности купчих и некоторых гражданских актов ей действительно нужен был опекун³⁴. Пудентилла, скорее всего, сама совершала сделки, и в ее случае одобрение опекуном купчей было лишь формальностью³⁵.

Почти единодушное мнение комментаторов «Апологии» и авторов научных работ, в которых так или иначе затрагивается судебный процесс в Сабрате: Апулей был признан невиновным – об этом свидетельствует и сам факт публикации его «Апологии», и его дальнейшая успешная карьера³⁶. Из «Флорид» мы знаем, что через несколько лет он обосновался в Карфагене, где, видимо, пользовался авторитетом как оратор и философ, и ему даже была воздвигнута статуя (Apol. Flor. 16). При этом нередко замечают, что на самом деле обвинения имели под собой основания, а Апулей смог избежать осуждения лишь благодаря своей изворотливости и эффективной риторической стратегии³⁷. Однако исследователи часто забывают о том, какую роль в оправдании оратора сыграли решимость и ум Пудентиллы: ее замечательное ироничное письмо и ее незримое присутствие в суде. Сдержанное благородство матроны оттеняется хвастливой самопрезентацией Апулея и его несколько непочтительным отношением к супруге: тут и неоднократные намеки на недостатки ее внешности, и то, что он не постыдился привести «медицинский аргумент» для нового замужества вдовы, связанный с ее долгим сексуальным воздержанием. С другой стороны, оратор отдает должное Пудентилле: в конце концов, именно его риторский талант явил нам образ «продвинутой» римлянки, соответствующей новой эпохе, – добродетельной, просвещенной и пекущейся об образовании для своих детей, наделенной умом, характером и деловой хваткой, эффективно управляющей своим огромным движимым и недвижимым имуществом. Клавдий Максим и присутствующие в суде попали под обаяние этой скромной провинциальной матроны, как и читатели «Апологии» века спустя после тех событий.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abt, A. 1908: *Die Apologie des Apuleius von Madaura und die antike Zauberei*. Gießen.
 Alexander, M. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto–Buffalo–London.
 Amarelli, F. 1988: Il processo di Sabrata. *Studia et Documenta Historiae et Iuris* 54, 110–146.
 Benke, N. 2005: Aemilia Pudentilla – a Landowning Lady. In: R. van den Bergh, G. Van Niekerk (eds.), *Ex iusta causa traditum: Essays in Honour of Eric H. Pool*. Pretoria, 19–31.
 Bradley, K. 1997: Law, Magic, and Culture in the “Apologia” of Apuleius. *Phoenix* 51, 203–223.
 Butler, H. E., Owen, A. S. 1914: Introduction. In: *Apulei Apologia sive Pro Se De Magia*. Oxford.

³⁴ Treggiari 1991, 32–36.

³⁵ Gutsfeld 1992, 255; Hunink 1997/2, 245.

³⁶ См., например: Грабарь-Пассек 1960, 359; Vallette 1908, 110; Abt 1908, 259; Butler, Owen 1914, XV–XVI; Hunink 1997, 1, 19; Bradley 1997, 203; Graf 2001, 65; Rives 2003, 327; De Marre 2004, 57; Harries 2007, 127; Collins 2008, 151; Costantini 2016, 240.

³⁷ Vallette 1908, 110–114; Abt 1908, 258–261; Butler, Owen 1914, XV–XVI; Graf 2001, 65–88; Bradley 1997, 208–212, 219; Rives 2003, 324–327; Collins 2008, 151–159; Costantini 2016, passim.

- Collins, D. 2008: *Magic in the Ancient Greek World*. Malden.
- Costantini, L. 2016: *Magic in Court. Understanding the Forensic Strategies and the Charges against Apuleius in the "Apologia"*. (Diss.). Leeds.
- De Marre, M. 2004: "Docta nimis visa et facunda": Wishful Thinking or Social Reality? *Acta Classica* 47, 51–74.
- Fantham, E. 1995: Aemilia Pudentilla: or the Wealthy Widow's choice. In: R. Hawley, B. Levick (eds.), *Women in Antiquity: New Assessments*. London–New York, 220–232.
- Fick, N. 1992: Mariage d'argent, mariage d'amour: la magie du mariage d'Apulée. *Vita Latina* 125, 29–46.
- Harries J. 2007: *Law and Crime in the Roman World*. Cambridge.
- Hidalgo de la Vega, M.J. 2012: Aemilia Pudentilla: poder económico y estrategias ciudadanas de una aristócrata Africana. In: M. Bastiana Cocco, A. Gavini, A. Ibba (eds.), *L'Africa Romana. Trasformazione dei paesaggi del potere nell'Africa settentrionale fino alla fine del mondo antico. Atti del XIX convegno di studio. Sassari, 16–19 dicembre 2010*. Roma, 747–759.
- Hemelrijk, E.A. 1999: *Matrona docta. Educated women in the Roman élite from Cornelia to Julia Domna*. London–New York.
- Hunink, V. 1997/1: Introduction. In: *Apuleius of Madauros Pro Se De Magia (Apologia)*. Vol. I. *Text*. Amsterdam, 9–34.
- Hunink, V. 1997/2: *Apuleius of Madauros Pro Se De Magia (Apologia)*. Vol. II. *Commentary*. Amsterdam.
- Hunink, V. 1998: The Enigmatic Lady Pudentilla. *American Journal of Philology* 119, 275–291.
- Gourevitch, D., Raepsaet-Charlier M.-T. 2006: *Povsednevnyaya zhizn' zhenshiny v Drevnem Rime [La femme dans la Rome Antique]*. Moscow.
- Гуревич, Д., Рапсат-Шарлье, М.-Т. 2006: *Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме* (пер. с франц. Н.Н. Зубкова). М.
- Grabar-Passek, M. E. 1960: Apuley [Apuleius]. In: *Apuley. Apologiya. Metamorfozy. Floridy [Apuleius. Apologia. Metamorphoses. Florida]* (transl. M.A. Kuzmin, S.P. Markish). Moscow, 357–372.
- Грбарь-Пассек, М.Е. 1960: Апулей. В: *Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды* (пер. М.А. Кузмина и С.П. Маркиша). М., 357–372.
- Graf, F. 2001: *Magic in the Ancient World* (transl. F. Philip). Cambridge–London.
- Guey, J. 1954: L'Apologie d'Apulée et les inscriptions romaines de Tripolitane. *Revue des Études Latines* 32, 115–120.
- Gutsfeld, A. 1992: Zur Wirtschaftsmentalität nichtsenatorischer provinzialer Oberschichten: Aemilia Pudentilla und ihre Verwandten. *Klio* 74, 250–268.
- Kudryavtseva, T.V. 2023: *Sudebnaya magiya v antichnosti [The Judicial Magic in Antiquity]*. Saint Petersburg.
- Кудрявцева, Т.В. 2023: *Судебная магия в античности*. СПб.
- Markish, S. P. 1960: Commentary. In: *Apulej. Apologiya. Metamorfozy. Floridy [Apuleius. Apologia. Metamorphoses. Florida]* (tr. M. A. Kuzmin, S. P. Markish). Moscow, 377–432.
- Маркиш, С.П. 1960: Комментарии. В: *Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды* (пер. М.А. Кузмина и С.П. Маркиша). М., 377–432.
- Pavis D'Esurac, H. 1974: Pour une étude sociale de l'Apologie d'Apulée. *Antiquités africaines* 8, 89–101.
- Rives, J. B. 2003: Magic in Roman Law: The Reconstruction of a Crime. *Classical Antiquity* 22, 313–339.
- Steck, U. 2009: *Der Zeugenbeweis in den Gerichtsreden Ciceros*. Frankfurt am Main.
- Treggiari, S. 1991: *Roman marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian*. Oxford.
- Vallette, P. 1908: *L'Apologie d'Apulée*. Paris.

AEMILIA PUDENTILLA:
THE MODEST CHARM OF A PROVINCIAL MATRON

Tatyana V. Kudryavtseva

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: tatynavk@yandex.ru

The article discusses information about Aemilia Pudentilla, which is given in the “Apologia” of her second husband Apuleius. This speech was delivered by him at his trial on charge of using malicious magic. Based on these data, the image of this extraordinary woman and the details of her biography are reconstructed, which allows us to shed light on a number of interesting gender aspects of the history of the Roman Empire in the 2nd century: women’s education and the role of women in the upbringing and education of her children, the status of a rich widow in the context of provincial city life, a woman’s participation in business life, her relationships with relatives, male guardians, her degree of independence in making important decisions concerning family and business life.

Keywords: Roman Empire, Aemilia Pudentilla, Apuleius, women’s education, magic

---
